Константинова Н. В. Феномен читателя в русских травелогах XIX века / Н. В. Константинова // Научный диалог. — 2019. — № 4. — С. 141—153. — DOI: 10.24224/2227-1295-2019-4-141-153.

Konstantinova, N. V. (2019). Phenomenon of Reader in Russian Travelogues of 19th Century. *Nauchnyi dialog, 4:* 141-153. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-4-141-153. (In Russ.).

УДК 82-992“18”+82-94+821.161.1
DOI: 10.24224/2227-1295-2018-4-141-153

Феномен читателя в русских травелогах XIX века

© **Константинова Наталья Владимировна (2019),** orcid.org/0000-0002-7329-9977, Researcher ID D-2068-2014, кандидат филологических наук, заведующая кафедрой русской и зарубежной литературы, теории литературы и методики обучения литературе, Новосибирский государственный педагогический университет (Новосибирск, Россия), scribe2@yandex.ru.

Статья посвящена изучению феномена читателя в структуре повествования русских травелогов XIX века. Материалом исследования послужили наиболее репрезентативные записки о кампании Д. Н. Сенявина (Броневского, Коростовца, Свиньина, Панафидина и др.) как примеры документальных травелогов, а также литературные образцы этого жанра: «Зимние заметки о летних впечатлениях» Ф. М. Достоевского и «Фрегат “Паллада”» И. А. Гончарова. Автор-путешественник того времени считал за правило объяснить свои установки либо в предисловии, адресованном читателю, либо при комментировании своей писательской стратегии внутри повествования о событиях, что позволяет определить и смоделированный им образ читателя. Новизна исследования выражается в том, что именно в травелогах XIX века (как документальных, так и литературных; особенно в последних) постепенно всё более и более выделяется фигура читателя как самостоятельный элемент: это соавтор текста о путешествии, авторский двойник, оппонент, определяющий основные концептуальные цели и задачи создания текста, управляющий его повествовательной структурой, своеобразное зеркало, в котором явно отражаются авторские интенции и сознание путешественника, постигающего Чужое не только монологически, но и в диалоге с Другим Я.

Ключевые слова: травелог; читатель; автор-путешественник; нарративные стратегии.

1. Формирование жанровых особенностей травелога в начале XIX века. Влияние «путевой прозы» Н. М. Карамзина

В научной литературе о специфике жанра травелога традиционно выделяется период XIX века, который отличается повышенным вниманием

к феномену путешествия, формированием основы жанровых моделей и нарративной структуры текстов, а также различными экспериментами с предшествующими формами [Гуминский, 1987; Дыдкина, 1998; Ивашина, 1979; Куприянов, 2004; Русский травелог XVIII—XX веков, 2015; Труды Русской антропологической школы, 2013; Феноменология …, 2013]. Кроме того, исследователи акцентируют внимание на том, что своеобразный «расцвет» жанра выражается в увеличении числа не только документальных травелогов, но и литературных. Безусловно, этот факт можно объяснить особой популярностью в России «Писем русского путешественника» Н. М. Карамзина, которого по праву считают родоначальником всей русской литературы о путешествиях.

Как правило, в качестве основного достоинства «путевой прозы» этого автора выделяется стремление изменить традицию XVIII века, а именно в качестве центральной цели путешественника обозначить не стремление решать собственно научные, образовательные и коммуникативные задачи, а самопознание и самоопределение личности в контексте постижения новой реальности. Такой подход к субъекту повествования существенно изменил отношение к тексту травелога: из книги научно-деловых наблюдений, отчетов, статистического справочника жанр путевой прозы преобразовался в исповедь «чувствующего сердца», отзывающегося на новые впечатления и постигающего в изменяющемся внешнем мире прежде всего себя. При этом произведение Н. М. Карамзина стало образцом особого отношения к читателю: духовный опыт писателя должен был побудить читателя не к тому, чтобы повторить путь автора травелога, но к тому, чтобы пройти свой собственный сложный путь самопознания.

«Письма русского путешественника» Н. М. Карамзина построены как совокупность текстов, созданных разными повествователями и включающих наряду с образом автора образ путешественника, пишущего письма к друзьям и, соответственно, выступающего рассказчиком многочисленных вводных историй. В результате актуализировалось взаимодействие обоих повествователей с читателями, и, как следствие, выделилась фигура читателя как самостоятельная в структуре повествования.

Таким образом, произведения «путевой прозы» начала XIX века стали обладать целым рядом общих элементов, среди которых можно увидеть, например, обязательное включение в структуру текста «Предуведомления к читателю»; указание автора на любительский характер записок, преподнесение их как несерьезных и пустых историй; сознательную имитацию нелитературности; обращение к друзьям; стремление убедить читателя в непреднамеренной фиксации увиденного.

2. Традиционные модели образа читателя в документальных травелогах

Автор-путешественник того времени, создавая текст о своем пережитом опыте путеплавания или путешествия, считал за правило объяснить свои установки либо в предисловии к читателю, либо при комментировании своей писательской стратегии внутри повествования о событиях, что позволяет представить и смоделированный им образ читателя.

Приведем некоторые примеры, опираясь на документальные записки морских офицеров, участвовавших в морской кампании под предводительством Д. Н. Сенявина. Следует указать, что именно это событие в истории XIX века оставило множество письменных свидетельств, благодаря которым читатель мог составить полноценное представление о сущности и характере этой морской кампании. При этом каждый из авторов документальных травелогов продемонстрировал как знание и следование общепринятой традиции описания путешествия, так и индивидуальные писательские стратегии.

Так, в записках Н. Коростовца очевидно обозначена установка автора: последовательно (хронологически) записывать все события для друзей (что видел, чувствовал, слышал). Такой подход свидетельствует о стремлении человека, желающего зафиксировать свои наблюдения наиболее точно и полно, быть объективным писателем, оставить после себя документальную и справедливую историю о путешествии. Это было связано ещё и с тем, что морской офицер по понятным причинам не был уверен, что сам лично впоследствии при встрече со своими друзьями сможет подробно все рассказать, так как эта кампания была опасной для жизни. Все эти особенности Н. Коростовец сразу и обозначает в тексте, обращаясь к друзьям — своим потенциальным читателям: *Не знаю, что припомнить до сего дня определения моего на фрегат Автроил, но да будет ведома друзьям моим эпоха в моей жизни: путешествие, которое я начал, и 21-го сентября, когда я поступил сюда. Если бог приведет меня обратно, вы услышите изустно о том, что со мною случится; между тем я записывать стану все, что будет принадлежать до четырех чувств вашего искреннего, приверженного и верного друга* (здесь и далее сохранены орфография и пунктуация источников. — *Н. К.*) [Коростовец, 1905, № 1, с. 43]. Обратим внимание на то, что такая писательская стратегия была наиболее характерна для жанра травелога и в большей степени соответствовала традиции Н. М. Карамзина.

В некоторых случаях авторы «путевой прозы» в определенной степени пытались конкретизировать образ своего читателя сообразно характеру за-

писок, например, патриотическому настрою П. П. Свиньина, указавшего в предисловии к своим «Воспоминаниям»: *Главная цель моя сообщить будущему Историку справедливые сведения для описания сей славной кампании и представить в настоящем свете подвиги знаменитого Россиянина…* [Свиньин, 1818, с. 10].

Особого внимания заслуживают при этом записки В. Б. Броневского, которые отличаются полнотой освещения событий, разнообразием форм и нарративных стратегий автора. Именно в его документальном травелоге, на наш взгляд, в большей степени совмещаются наиболее популярные в то время формы обращения к читателю как очень важному соучастнику творческого процесса. Так, В. Б. Броневский, в первую очередь, ориентируется на тип Просвещенного Читателя, которому он хочет понравиться, оправдать его ожидания. Но, кроме того, автор не забывает, что он является непосредственным участником морской кампании, поэтому ставит перед собой ещё одну задачу — прославить имена своих товарищей, которые были с ним в этом путешествии. А это уже обращение к совсем другому типу читателя, свидетелю событий, поэтому писателю нужно удерживать в своем сознании не только точку зрения внешнего наблюдателя событий, но и соучастника событий. По традиции В. Б. Броневский именно в предисловии объясняет свои авторские установки: *... обошед Европу, видел я лучшие ее страны, знаменитые происшествиями. Славные своими древностями, просвещением и науками <…> Я вел ежедневные записки о тех событиях, коих был очевидец и о том, что казалось мне достойным внимания* и *любопытства <…> В полной надежде на снисхождение отечественной публики предлагаю историческое повествование сего достопамятного похода и вместе путевые мои замечания, мысли и впечатления, изложенные в хронологическом порядке. Счастливым почту себя, если просвещенные читатели удостоят благосклонным принятием сей первый труд мой, и если принесу удовольствие служившим тогда на флоте и в 15 пехотной дивизии в Корфе находившемся офицерам, изображением тех битв, где каждый из них имел неотъемлемую часть славы* [Броневский, 1836, ч. I, с. 2].

Таким образом, в документальных травелогах начала XIX века очевидно воспроизводится традиция «путевой прозы» Н. М. Карамзина, явно номинируется ориентация автора записок на определенный тип читателя, моделируется образ адресата послания из путешествия в соответствии с индивидуальными нарративными стратегиями писателя.

Однако непосредственное обращение автора к читателям также имело свои варианты. Остановимся на наиболее репрезентативных случаях:

1) обращение к друзьям, конкретным лицам, комментирование их склонностей и интересов: *Ну, друзья. Обед готов, три часа было; пойдемте отобедаем английского обеда. Любезный Алексей. У тебя заранее слюнки текут, а не то есть захочется!... но полно писать о том, что обворожает всегда вкус* [Коростовец, 1905, № 1, с. 59];

2) очевидное противопоставление своего образа жизни тому, который ведут друзья: *Вы теперь, друзья, греетесь у теплой печи, мы странствуем <…> всегда одно и то же. Нет ни книг, нельзя и негде писать; кроме воды и неба натура ничего не представляет воображению. И кто что ни говори, а я чувствую, что теперь я самый пропащий человек! … я живу, не зная для чего…* [Коростовец, 1905, № 2, с. 231, 234];

3) обращение к отвлеченным размышлениям: *Все мы, друзья, отягчены горестями. Все мы не видим берега. Все погружены в мрак. Философия, тебя призываю на помощь, утешь меня и моих друзей. В твоих объятиях, в нечувствительной для мысли бытности, забудем мы прошедшее и в настоящем не станем тосковать, если ты сильна нас утешить <…> Нет, друзья, вы меня не забудете и узнаете, когда предстану перед лицем Бога, творца видимого и невидимого. Исчезла мечта… я перерождаюсь. Оставьте меня воображения, представляющие вас, я им не верю; знаю, что я теперь один* [Там же, № 2, с. 235];

4) установка на просвещение читателя: *…оставим корабли спокойно продолжать путь свой. Сделаем небольшое отступление для тех, коим небесполезно знать, каким чудесным образом столь великие громады, каковы корабли, по важным, непостоянным зыбям безопасно движутся, и кратким объяснением мореплавания, дадим им некоторое понятие о том искусстве, каким суда из края в край, от страны в страну надежно препровождаются <…> Ни одна из наук, постепенно восходивших к совершенству, не поспешала такими исполинскими шагами, как наука мореплавания* [Броневский, 1836, ч. I, с. 28, 31];

5) создание эффекта присутствия читателя в тексте, имитация прогулки: *Хотите ли иметь понятие о внутреннем убранстве их палат? Войдите со мною в дом княгине де Бутиро, богатейшей особы в Палермо* [Там же, ч. II, с. 137];

6) имитация диалога; формулировка собственного мнения как ответа на вопрос читателя: *Требуешь ты от меня, — пишет Ф. П. Лубяновский, обращаясь к воображаемому адресату, — чтоб я сравнил Рим в настоящем его положении с древним Римом: вопрос, который не так легко решить, как ты думаешь. Сравнивать можно такие вещи, между коими есть хотя одна черта сходства: здесь нет ни малейшего <...> Не для того теперь*

можно быть в Риме, чтобы учиться его законам, давно уже не Римским законам, не для того, чтобы познавать его нравы, давно не Римские нравы; но затем, чтобы увидеть развалины его великолепия, гроб его силы <...> прекрасное небо сей страны и землю, достойную лучших обитателей [Лубяновский, 1805, ч. 3, с. 481]; *Ты спросишь, к чему это вступление? — Сделай шаг в город, — и ты встретишь искаженное человечество, уродов, до невообразимости несчастных, неопрятность простого народа, их жилища под какою-нибудь кровлею развалины или на помостах церквей и больших зданий... Бедность там, где во времена Римлян, Сицилия была житницею, конечно, произошла от праздности, чему много способствует прекрасный климат. Разврат, до такой степени здесь усилившийся, что наш северный житель не поверит, — вот что разочаровало меня после восторга при восхождении солнца и в полдень того же дня, когда я гулял по улицам города* [Панафидин, 1916, с. 33—34];

7) имитация автором запроса читателя, адресата писем, который обнаруживает иную нарративную стратегию в соотношении с традицией (не так, как раньше): *Вы говорите, что на этот раз вам и ненадобно точных сведений ... что, напротив, было бы вовсе недурно, если бы каждый путешественник гонялся не столько за абсолютной верностью (которой достичь он почти всегда не в силах), сколько за искренностью ... Вам надобны только собственные, но искренние мои наблюдения* [Броневский, 1836, ч. II, с. 145].

Эти примеры позволяют сделать вывод о принципиальной установке на диалог автора с иным сознанием внутри нарративной структуры травелога. При этом диалогичность может быть как явной, так и имплицитной, лишь отражаться в интенциях субъекта повествования. Кроме того, следует указать, что варианты обращения к читателю демонстрируют и специфику сознания автора-путешественника, который в процессе познания Чужого мира ориентируется на определенную модель условного соучастника событий. Однако в исследовательских работах, посвященных литературе о путешествии, крайне редко особое внимание уделяется фигуре читателя, а также формам взаимодействия автора с другим (воспринимающим) сознанием. Как уже отмечалось ранее, чаще всего это обозначается как следование традиции Н. М. Карамзина [Иванова, 2010].

В этом направлении анализа текстов о путешествии есть интересные наблюдения. Например, в монографии Е. Г. Милюгиной и М. В. Строганова авторы, анализируя развитие жанра петербургско-московского травелога, обращают внимание на специфику образа читателя (скорее, способ моделирования взаимоотношений автора и читателя) в записках «Каникулы

1844 года» А. О. Ишимовой [Милюгина и др., 2013]. Они отмечают, что частые обращения автора к героям и читателю моделируют ситуацию непосредственной включенности читателя в события, происходящие в книге. Впечатления от поездки А. О. Ишимова, как и Н. М. Карамзин, изложила в форме писем, и потому может показаться, что заметки носят сугубо частный характер и написаны лишь по случаю. Однако это иллюзия, поскольку в одном из писем Ишимова делает принципиально важную оговорку: обращаясь к сестре, она уточняет, что этот материал может быть географическим уроком для детей. Таким образом, изучив взаимодействие автора и читателя, исследователи делают вывод, что «Каникулы 1844 года» А. О. Ишимовой «явились одним из первых опытов, реализовавших традиции Карамзина в жанре детского травелога» [Там же, с. 123].

3. Феномен образа читателя в литературных травелогах XIX века

В литературных травелогах XIX века, безусловно, усложняется принцип взаимодействия автора-путешественника с читателем. Несмотря на то, что продолжают существовать традиционные варианты, наблюдается тенденция к вариативности в соответствии с индивидуально-авторскими нарративными установками.

Так, например, нарратор Ф. М. Достоевского в тексте «Зимние заметки о летних впечатлениях» организовывает воображаемый диалог с читателем, которому предоставляется возможность самому выстраивать / варьировать повествовательную структуру текста (читать отдельные фрагменты или исключать из повествования), о чем свидетельствует название третьей главы «И совершенно лишняя» и постоянные комментарии повествователя по этому поводу: *А знаете ли что: меня что-то подмывает, покамест доберемся до Парижа, сообщить вам мои вагонные размышления, так, во имя гуманности: ведь было же мне скучно в вагоне, ну так пусть теперь будет скучно и вам. Впрочем, других читателей надобно выгородить, а для этого выключу-ка я все эти размышления нарочно в особую главу и назову ее лишней. Вы-то над ней поскучаете, а другие, как лишнюю, могут и выкинуть* [Достоевский, 1989, с. 396]; *Теперь я сам вижу, что все это тут как бы лишнее. Да я же вас и предуведомил, что вся глава лишняя* [Там же, с. 409]; *А впрочем, что уж очень-то прощения просить. Ведь моя глава лишняя* [Там же].

С помощью этого приема создается эффект спонтанности замысла нарратора, внезапности его решений в плане организации повествования. Разводятся понятия «читатель — друг», «читатель — другой», при этом «читатель — друг» как создатель первоначального запроса должен следо-

вать за нарратором, подчиняться его воле (с друзьями можно и покороче, пусть будет скучно и вам), а «другой читатель» получает свободу (с читателем нужно обращаться осторожно и совестливо).

Обозначаются в тексте и принципы разделения в повествовании, с одной стороны, сообщения о событии, которое имело место в путешествии, и, с другой стороны, собственно комментария, оценочных высказываний или пояснений о нем; используется имитация диалога с читателем: *— Да что же это, — прибавит третий. Обо всем этом вы сами пишите, что слышали недавно, а путешествовали летом. Как же вы могли обо всем этом в вагоне тогда еще думать? — Вот это так действительно задача, — отвечаю я, — но позвольте: ведь это зимние воспоминания о летних впечатлениях. Так уж к зимним и примешалось зимнее* [Там же, с. 398].

Кроме того, нарратор делит читателей текста на путешественников и «непутешественников» (глава 4 «И не лишняя для путешественников»). В соответствии с этим выстраивается повествование для каждого типа читателя, один может не читать третью главу, другой должен прочитать четвертую. Возникает в некотором роде эффект гипертекста, множественность возможных вариантов прочтений, открытость границ. Название первой главы — «Вместо предисловия» — указывает на отсутствие начала текста, а в финале нет заключения.

При описании реакции путешественника на увиденное в Европе повествователь акцентирует внимание читателя на причинах ее несоответствия общепринятым стандартам (не нравится то, что обычно восхищает путешественников). При этом в качестве основных причин чаще всего называется физическое состояние путешественника, самочувствие: *Решительно от того, что я, больной человек, страдающий печенью, двое суток скакал по чугунке сквозь дождь и туман до Берлина и, приехав в него, не выспавшись, желтый, усталый, изломанный, вдруг с первого взгляда заметил, что Берлин до невероятности похож на Петербург* [Там же, с. 389].

Свобода нужна автору не только как путешественнику, но и как нарратору, он пытается снять с себя ответственность за написанное, а для этого постоянно договаривается с читателем: *Но, друзья мои, ведь предуведомил же я вас еще в первой главе этих заметок, что, может быть, ужасно навру. Ну и не мешайте мне. Вы знаете тоже наверное, что если я и навру, будучи убежден, что не вру. А, по-моему, этого уже слишком довольно. Ну так и дайте мне свободу* [Там же, с. 415]. Повествователь постоянно комментирует возможные реакции читателя на его манеру описания, форму повествования и т. д., пытаясь разрушить шаблонные представления о нарративных стратегиях автора в жанре травелога:

(1) *Да что вы думаете, что я с насмешкой пишу, виню кого-нибудь … О, ничуть и нисколько. Да я-то кто такой, чтоб винить?* [Там же, с. 409];

(2) *…вы закричите, что я преувеличиваю, что это все желчная, патриотическая клевета, что не могло же все это остановиться совсем, в самом деле* [Там же, с. 433];

(3) *Пожалуйста, не обвиняйте меня, не кричите, что я преувеличиваю, клевещу, что во мне говорит ненависть. К чему? К кому? Зачем ненависть? Просто много лакеев, и это так* [Там же, с. 432].

Попытки нарратора самоорганизовать себя также не приводят ни к чему, разрушая жанровые шаблоны. Так, нарратор-путешественник Достоевского, нарочито отсылая читателя к традиции жанра травелога, принципиально разрушает шаблонные повествовательные стратегии, намеренно разводит, как мы уже говорили выше, событие путешествия и Слово о нем, дает возможность читателю самостоятельно выбирать повествовательную модель текста о путешествии, допускает принципиальную возможность существенного несовпадения плана реального с тем его словесным изображением, какой отпечатывается на страницах «Заметок». Принципиально выбирая свободную манеру письма о путешествии, повествователь Ф. М. Достоевского одновременно «освобождает реальность», утверждая новые принципы создания травелога в литературе XIX века.

Кроме того, весьма интересный и нетрадиционный вариант образа читателя представлен в литературном травелоге И. А. Гончарова. «Фрегат Паллада», безусловно, обособляется в творческом наследии автора как образец литературы о путешествии. В этом контексте данное произведение неоднократно становилось объектом исследования. Так, например, Ю. В. Юркина как лингвист обращает внимание на то, что И. А. Гончаров синтезирует в своей книге о путешествии сразу два типа травелога того времени: литературное путешествие и учебное путешествие [Юркина, 2009]. Но следует указать, что, несмотря на тип травелога, в этом тексте И. А. Гончарова, как правило, не уделяется особого внимания анализу феномена читателя, хотя именно в этом образе существенно расширяются общепринятые традиционные рамки жанра. Конечно, «Фрегат Паллада» как пример «путевой прозы» включает в себя и обращение к друзьям, и диалоговую форму повествования, и обращение автора к самому себе, фиксируя акт самопознания и саморефлексии. Но в большей мере обращает на себя внимание другая форма характеристики хитателя: неоднократно в тексте автор-путешественник называет себя хитателем, но не собственных записок, а хитателем другого мира, демонстрируя особую точку зрения на сам факт путешествия как процесс чтения другого текста / мира.

Так, например, в самом начале произведения автор вспоминает, как он собирался в путешествие и прощался со своими знакомыми: *Ещё барыня, умная, милая, заплакала, когда я приехал с ней прощаться <…> Я стал в тупик: о чем она плачет? "Мне просто жаль, что вы едете бог знает куда". Меня зло взяло. Вот как смотрят у нас на завидную участь путешественника <…> не на вашу долю выпадает быть там, где из нас почти никто не бывает, видеть чудеса, о которых здесь и мечтать трудно, что мне открывается вся великая книга, из которой едва кое-кому удается прочесть первую страницу…* [Гончаров, 1976, с. 10—11]. Так, автор акцентирует внимание на особом статусе путешествия — процесс чтения «великой книги», в которой субъект повествования одновременно является и автором, и читателем.

Таким образом, в травелогах XIX века (как документальных, так и — в особенности — литературных) постепенно всё более и более выделяется фигура читателя как самостоятельный элемент произведения: соавтор текста о путешествии, авторский двойник, оппонент, определяющий основные концептуальные цели и задачи создания текста, управляющий его повествовательной структурой, своеобразное зеркало, в котором явно отражаются авторские интенции и сознание путешественника, познающего Чужое не только монологически, но и в диалоге с Другим Я.

Источники

1. *Броневский В. Б.* Письма морского офицера, служащие дополнением к Запискам морского офицера / В. Б. Броневский. — Санкт-Петербург, 1825. — Ч. 1. — 292 с.

2. *Броневский В. Б.* Записки морского офицера в продолжение кампании на Средиземном море под начальством вице-адмирала Д. Н. Сенявина от 1805 по 1810 гг. / В. Б. Броневский. — Санкт-Петербург, 1836. — Ч. 1, 2.

3. *Броневский В. Б.* Записки морского офицера в продолжение кампании на Средиземном море под начальством вице-адмирала Д. Н. Сенявина от 1805 по 1810 гг. / В. Б. Броневский. — Санкт-Петербург, 1837. — Ч. 1, 2, 4.

4. *Гончаров И. А.* Фрегат «Паллада». Очерки путешествия в двух томах / И. А. Гончаров. — Москва : Советская Россия, 1976. — 607 с.

5. *Достоевский Ф. М.* Собрание сочинений : В 15 т. / Ф. М. Достоевский. — Ленинград : Наука, Ленинградское отд., 1989. — Т. 4. — 783 с.

6. Коростовец, 1905 — *Из путевых* записок моряка Николая Коростовца // Русский Архив. — 1905. — Кн. I. — № 1. — С. 43—69. — № 2. — С. 201—237.

7. *Лубяновский Ф. П.* Путешествие по Австрии, Саксонии и Италии в 1800—1801 и 1802 гг. / Ф. П. Лубяновский. — Санкт-Петербург, 1805. — Ч. 1—2.

8. *Панафидин П. И.* Письма морского офицера (1806—1809) / П. И. Панафидина ; с предисл. и примеч. Б. Л. Модзалевского. — Петроград : тип. Мор. м-ва, 1916. — 128 с.

9. *Свиньин П. П.* Воспоминания на флоте / П. П. Свиньин. — Санкт-Петербург : в Типографии В. Плавильщикова, 1818. — Ч. 1.

Литература

1. *Гуминский В. М.* Открытие мира, или Путешествия и странники / В. М. Гуминский. — Москва : Современник, 1987. — 284 с.

2. *Дыдыкина О. А.* Эволюция стиля русских литературных путешествий конца XVIII — первой половины XIX века : От Н. М. Карамзина до И. А. Гончарова : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / О. А. Дыдыкина. — Москва, 1998. — 251 с.

3. *Иванова Н. В.* Жанр путевых записок в русской литературе первой трети XIX века : тематика, поэтика : диссертация … кандидата филологических наук : 10.01.01 / Н. В. Иванова. — Москва, 2010. — 270 с.

4. *Ивашина Е. С.* О специфике жанра «путешествия» в русской литературе первой трети XIX в. / Е. С. Ивашина // Вестник Московского государственного университета. Серия 9. Филология. — 1979. — № 3. — С. 3—16.

5. *Куприянов П. С.* Русское заграничное путешествие начала XIX века : парадоксы литературности / П. С. Куприянов // Историк и художник. — 2004. — № 1. — С. 59—73.

6. *Милюгина Е. Г.* Русская культура в зеркале путешествий : монография / Е. Г. Милюгина, М. В. Строганов. — Тверь : Тверской государственный университет, 2013. — 176 с.

7. *Русский* травелог XVIII—XX веков : коллективная монография / под редакцией Т. И. Печерской ; Министерство образования и науки РФ, Новосибирский государственный педагогически университет. — Новосибирск : Издательство НГПУ, 2015. — 656 с.

8. *Труды* Русской антропологической школы. Выпуск 13. — Москва : Издательство РГГУ, 2013. — 336 с.

9. *Феноменология,* история и антропология путешествия : тезисы международной Гумбольдтовской конференции (Санкт-Петербургский Государственный Университет, 16—19 апреля 2013 г.) / сост., ред. М. Кобельт-Гробах, О. Кулишкина, Л. Полубояринова. — Санкт-Петербург : Своё издательство, 2013. — 180 с.

10. *Юркина Ю. В.* Жанровые нормы «путешествия» и идиостиль писателя : очерки путешествия И. А. Гончарова «Фрегат “Паллада”» : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / Ю. В. Юркина. — Санкт-Петербург, 2009. — 27 с.

Phenomenon of Reader in Russian Travelogues of 19th Century

© Natalya V. Konstantinova (2019), orcid.org/0000-0002-7329-9977, ResearcherID D-2068-2014, PhD in Philology, Head of Department, Department of Russian and Foreign

Literature, Literature Theory and Literature Training Methods, Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russia), scribe2@yandex.ru.

The article is devoted to the study of a reader's phenomenon in the structure of the narrative of Russian travelogues of the 19th century. The material of the study was the most representative notes about the campaign of D. N. Senyavin (by Bronevsky, Korostovets, Svinyin, Panafidina, etc.) as examples of documentary travelogues, as well as literary examples of this genre: "Winter Notes on Summer Impressions" by F. M. Dostoevsky and "Frigate "Pallada" by I. A. Goncharov. An author-traveler of the time considered it a rule to explain his/her attitude in the preface addressed to the reader, or when commenting the writing strategies in the narration of the events that allows to define the image of a reader simulated by the author. The novelty of the study is expressed in the fact that it is in the travelogues of the 19th century (both documentary and literary; especially in the latter) a figure of a reader as an independent element gradually stands out more and more: a reader is a co-author of the text on the journey, an author's double, an opponent, defining the main conceptual goals and objectives of the text, managing its narrative structure, a kind of mirror, which clearly reflects the author's intentions and traveler's consciousness, considering someone else not only monologically, but also in dialogue with another personality.

Key words: travelogue; reader; author-traveler; narrative strategies.

Material resources

Bronevskiy, V. B. (1825). *Pisma morskogo ofitsera, sluzhashchiye dopolneniyem k Zapiskam morskogo ofitsera, 1.* Sankt-Peterburg. (In Russ.).

Bronevskiy, V. B. (1836). *Zapiski morskogo ofitsera v prodolzheniye kampanii na Sredizemnom more pod nachalstvom vitse-admirala D. N. Senyavina ot 1805 po 1810 gg., 1, 2.* Sankt-Peterburg. (In Russ.).

Bronevskiy, V. B. (1837). *Zapiski morskogo ofitsera v prodolzheniye kampanii na Sredizemnom more pod nachalstvom vitse-admirala D. N. Senyavina ot 1805 po 1810 gg., 1, 2, 4.* Sankt-Peterburg. (In Russ.).

Dostoyevskiy, F. M. (1989). *Sobraniye sochineniy: V 15 t., 4.* Leningrad: Nauka, Leningradskoye otd.. (In Russ.).

Goncharov, I. A. (1976). *Fregat «Pallada». Ocherki puteshestviya v dvukh tomakh*. Moskva: Sovetskaya Rossiya. (In Russ.).

Korostovets, 1905 — Iz putevykh zapisok moryaka Nikolaya Korostovtsa. (1905). In: *Russkiy Arkhiv, I (1)*: 43—69; *2*: 201—237.

Lubyanovskiy, F. P. (1805). *Puteshestviye po Avstrii, Saksonii i Italii v 1800—1801 i 1802 gg., 1—2.* Sankt-Peterburg. (In Russ.).

Panafidin, P. I. (1916). *Pisma morskogo ofitsera (1806—1809).* Petrograd: tip. Mor. m-va. (In Russ.).

Svinin, P. P. (1818). *Vospominaniya na flote, 1.* Sankt-Peterburg: v Tipografii V. Plavilshchikova. (In Russ.).

References

Dydykina, O. A. (1998). *Evolyutsiya stilya russkikh literaturnykh puteshestviy kontsa XVIII pervoy poloviny XIX vv.: Ot N. M. Karamzina do I. A. Goncha-*

rova: dissertatsiya ... kandidata filologicheskikh nauk: 10.02.01. Moskva. (In Russ.).

Guminskiy, V. M. (1987). *Otkrytiye mira, ili Puteshestviya i stranniki*. Moskva: Sovremennik. (In Russ.).

Ivanova, N. V. (2010). *Zhanr putevykh zapisok v russkoy literature pervoy treti XIX veka: tematika, poetika: dissertatsiya ... kandidata filologicheskikh nauk: 10.01.01.* Moskva. (In Russ.).

Ivashina, E. S. (1979). O spetsifike zhanra «puteshestviya» v russkoy literature pervoy treti XIX v. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 9. Filologiya, 3:* 3—16. (In Russ.).

Kobelt-Grobakh, M., Kulishkina, O., Poluboyarinova, L. (eds.) (2013). *Fenomenologiya, istoriya i antropologiya puteshestviya:* tezisy mezhdunarodnoy Gumboldtovskoy konferentsii (Sankt-Peterburgskiy Gosudarstvennyy Universitet, 16—19 aprelya 2013 g.). Sankt-Peterburg: Svoye izdatelstvo. (In Russ.).

Kupriyanov, P. S. (2004). Russkoye zagranichnoye puteshestviye nachala XIX veka: paradoksy literaturnosti. *Istorik i khudozhnik, 1:* 59—73. (In Russ.).

Milyugina, E. G, M, V. Stroganov. (2013). *Russkaya kultura v zerkale puteshestviy: monografiya.* Tver': Tverskoy gosudarstvennyy universitet. (In Russ.).

Pecherskaya, T. I. (ed.) (2015). *Russkiy travelog XVIII—XX vekov:* kollektivnaya monografiya. Novosibirsk: Izdatelstvo NGPU. (In Russ.).

Trudy Russkoy antropologicheskoy shkoly, 13. (2013). Moskva: Izdatelstvo RGGU. (In Russ.).

Yurkina, Yu. V. (2009). *Zhanrovyye normy «puteshestviya» i idiostil' pisatelya: ocherki puteshestviya I. A. Goncharova «Fregat "Pallada"»:* avtoreferat dissertatsii ... kandidata filologicheskikh nauk: 10.02.01. Sankt-Peterburg. (In Russ.).